

ПЯТЬ ЛЕТ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗАКАЛКИ

В. ИОРДАНСКИЙ

ВРЕМЯ стремительно. Ныне уже трудно представить себе энтузиазм, с которым в октябре 1958 года встретила вся Африка провозглашение независимости Гвинеи. Маленькая, бедная, отсталая страна бросила вызов крупнейшей колониальной державе — и победила. Этот простой факт произвел подлинный переворот в мыслях и настроениях миллионов африканцев.

В мифе о несокрушимости французской колониальной мощи была пробита первая брешь. Гвинея как бы вдохнула силы и уверенность в победе в национально-освободительное движение стран тропической Африки. Если раньше стоящие у власти во французских колониях полуавтономные правительства могли отказываться от борьбы за независимость под различными предложениями, то опыт Гвинейской Республики не оставил им выбора. Дилемма стала ясной: или народный взрыв, или политическое освобождение.

Если в конце 1958 года Франция объявила подлинный бойкот Гвинеи и де Голль потребовал от своих западных союзников отказа от сотрудничества с молодой республикой, то в 1960 году его тактика кардинально изменилась: французские колонии одна за другой получили политическую независимость, причем правительство Франции обещало им экономическую и техническую помощь. Для генерала де Голля это была генеральная репетиция будущего соглашения с лидерами Фронта национального освобождения Алжира.

К концу 1960 года в Западной и Экваториальной Африке не осталось французских колоний.

ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ

Нынешние границы между франкоязычными государствами Африки в свое время были установлены исходя из чисто административных соображений. Долгие годы границы между зонами расселения крупных и малых этнических групп были в глазах африканцев значительно более реальны, чем видимые только на карте и совершенно абстрактные линии между административными областями.

Однако с течением времени эти искусственные границы начали приобретать новый характер. Уже в силу громадности раскинувшейся от Конго до полуострова Зеленого мыса территории национально-освободительные движения формировались автономно в каждой административной области. Постепенно выявлялись особенности, определившие своеобразие хода событий в Нигере и Габоне, Дагомее и Бере-

ге Слоновой Кости, Сенегале и Верхней Вольте. Неравномерность экономического и культурного развития, неповторимость межэтнических отношений, различие в соотношении и расстановке социальных сил разделили отдельные края Экваториальной и Западной Африки глубже, серьезнее, чем могло показаться человеку, убежденному в отсутствии какого-либо исторического оправдания у размежевывающих отдельные области границ.

Специфические черты областей, ставших ныне государствами, оказались прочными. Они и сегодня во многом сбывают быстрый социальный прогресс в одних странах и политический застой в других.

В первые послевоенные годы на Береге Слоновой Кости сложился блок крестьянской верхушки и части городской интеллигенции. Пока колониальные власти, защищая интересы белых эксплуататоров, пытались ограничить рост африканской сельской буржуазии, этот блок стоял в авангарде национально-освободительного движения. Но как только из Парижа пришла указание о введении льготных закупочных цен на производимые африканцами экспортные культуры — бананы, кофе и какао, — лидеры блока сделали поворот на 180 градусов. По сей день они проводят политику теснейшего сотрудничества с Францией, которой изредка изменяют только ради Соединенных Штатов.

В Республике Нигер в 1958 году колониальная администрация во главе с губернатором Коломбани разгромила слабые в этой стране прогрессивные силы. На руководящие посты были посажены люди, имевшие тесные связи с традиционными вождями. Сегодня они пытаются как-то ускорить экономическую и культурную эволюцию республики, не нарушая сложившихся веками социальных структур. Удастся ли им разрешить это противоречие? Сомнительно.

Напротив, в Гвинеи к 1954 году окреп союз профессиональных объединений рабочих и служащих с деревенскими низами. Его прочность выдержала испытания в 1958 году и позже. Если бы не сила этого фронта, включившего все этнические группы страны, трудно сказать, как сложилась бы история Гвинейской Республики.

В Бамако антиколониальный блок объединил и первые группы рабочих, и мелких торговцев, страдавших от конкуренции французских фирм, и широкие слои крестьянства. Выразителями его чаяний стали учителя — наиболее крупная и тесно связанная с народом группа интеллигенции. Суданскому союзу, как называлась и называется ныне правящая в стране партия, удалось завоевать политическое

лидерство в напряженной борьбе с оппозицией, за спиной которой было легко разглядеть колониальную администрацию.

Гвинея и Мали самой традицией были поставлены в авангард ставших независимыми французских колоний. Правда, в их политической практике различимы хотя и второстепенные, но существенные особенности. И все же основные устремления этих двух стран тождественны.

Гвинейская Республика поднимала целину. В тропической Африке существует обычай, что земля принадлежит тому, кто первым расчистит ее от леса. Гвинея первая принялась за вырубку колониальных джунглей на землях французской империи, и ее влияние на судьбы всех стран этой части Африки продолжает оставаться исключительным.

Прошедшие годы принесли Гвинею немало успехов, но столкнули страну и с некоторыми трудностями. Правительством молодой республики были осуществлены важные реформы: запрещена продажа земель без согласия государственной администрации, полностью реорганизовано судопроизводство, введена национальная валюта, преобразована торговля, в которой господствующее положение занимает государственный сектор, в деревнях создано около 500 производственных кооперативов.

В Гвинею правительству во многих отношениях пришлось идти от нуля. Отчасти это облегчало работу: не надо было сносить и разбирать развалины. Одной из важнейших задач правительства было обеспечить руководящую роль государства в экономическом строительстве, не допустить развития капиталистических отношений. И тут правящей в стране Демократической партии Гвинеи пришлось столкнуться с проблемой «открытой границы».

Территория Гвинеи граничит с Сенегалом, Сьерра-Леоне, Либерией, Берегом Слоновой Кости и другими странами. Рубежи проходят зачастую по труднодоступной местности, да и вытянуты они на сотни километров. В колониальные годы народ не признавал этих границ, и на внутренних рынках Гвинеи можно было увидеть товары из Сьерра-Леоне или Либерии, тогда как скот с Фута-Джалона или, например, рис Верхней Гвинеи продавались гвинейскими торговцами в Либерии и на севере Берега Слоновой Кости.

Эти давние торговые связи неожиданно оказались угрозой для экономики независимой Гвинеи. Когда для улучшения жизненного уровня народа были снижены цены на сахар и рис, стаи спекулянтов из соседних стран незамедлительно скупили эти продукты, и в самой Гвинею стал ощущаться острый недостаток их.

Недавно правительство республики приняло решительные меры по борьбе с контрабандой. Была сделана попытка очистить торговую сеть от тысяч перекупщиков-спекулянтов, дезорганизующих снабжение населения. Этого не сделаешь одними декретами. Потребуется долгая и упорная работа партии и государственного аппарата, прежде чем будет осуществлена подлинная реорганизация торговли.

В подъеме экономики Гвинеи огромную роль играют социалистические страны. Несколько месяцев назад в Маму был открыт завод по переработке овощей и фруктов, построенный на советские кредиты и с помощью советских специалистов. Это только самый недавний пример, а их десятки, если не сотни.

Соседка Гвинеи — Республика Мали — также опирается на индустриальную мощь социалистического содружества. Сама жизнь вынуждает лидеров прогрессивных стран Африки применять сходные мето-

ды, чтобы обеспечить равномерный экономический прогресс. Если в Мали зачастую приходится наблюдать те же приемы кооперирования деревни, строительства собственной промышленности, постепенной монополизации торговли государством, что и в Гвинею, то объясняется это отнюдь не слепым заимствованием. Одни и те же причины определяют и сходство в отношении Мали и Гвинеи к социалистическому содружеству. Обладая крайне скудными внутренними источниками финансирования, и та и другая страна обязаны искать помощи за рубежом и, естественно, в первую очередь обращаются к Советскому Союзу. Конечно, это отнюдь не исключает использования в определенных формах и капитала западных держав.

Революционный опыт Мали и Гвинеи ценен ясной социальной направленностью. В этих странах впервые в тропической Африке были начаты поиски путей решения таких своеобразных социальных конфликтов, как противоречие между деревенскими старшинами и рядовой крестьянской массой, между закабаленными разделением труда в сельском хозяйстве женщинами, молодежью, с одной стороны, и старейшинами с другой. В этих странах применяются революционные меры по борьбе с безработицей, при этом власти Гвинеи и Мали идут как по пути модернизации сельского хозяйства и социальных реформ в деревне, так и по пути индустриализации. Это уменьшает миграцию из деревень и позволяет обеспечить работой людей, пришедших в город на заработки.

В конце лета 1963 года еще одно государство, бывшее раньше французской колонией, стало на путь демократических преобразований. Это было Конго со столицей в Браззавиле.

СОМНИТЕЛЬНЫЙ «РЕАЛИЗМ»

Начиная с 1960 года, когда аббат Фюльбер Юлу возглавил первое правительство в ставшем независимой республикой Конго, эта страна единодушно относилась западной пропагандой к числу тех, где проводится подлинно «реалистическая» политика. Какими же характерными чертами политического «реализма» в его западном толковании?

В первую очередь, это отказ от радикальных мер в области общественных отношений. Максимум в этом плане сводится к частичной «африканизации» государственного аппарата при сохранении европейских советников на ключевых постах. Остаются табу любые попытки ослабить гнет племенной аристократии в деревне, затормозить становление торговой и сельской буржуазии. В городах надевают ярмо на профсоюзы и проводится политика замораживания заработной платы.

В области экономики делаются робкие попытки как-то стимулировать сельскохозяйственное производство: создаются опытные станции, крестьянам побогаче предоставляются кредиты. В промышленности сохраняется полная монополия европейских предпринимателей, энергично ищут новых вкладчиков капитала. Никаких реформ не проводится в области торговли, где господство западных фирм остается непоколебленным. Лишь наиболее прогрессивные из «реалистов» решаются пойти на создание государственной торговой сети, которой обычно погрывается закупка у крестьян основной экспортной культуры страны: арахиса — в Сенегале и Нигере, хлопка — в Центральноафриканской Республике.

Внешняя политика «реалистических» правительств ориентирована на Запад. В иных случаях это Фран-

ция, в других стрелка политического компаса колеблется между Францией и США. Возможность маневрирования у этих стран крайне ограничена как тесной связью с Западом, так и боязнью, что смелый дипломатический курс ослабит позиции всей группы «реалистов» в целом. Лишь в тех случаях, когда требования экономического развития и давление народных масс не оставляют другого выхода, устанавливаются дипломатические отношения с социалистическими странами.

Конго Фюльбера Юлу являло классический пример отнюдь не подлинного реализма, а неокOLONиалистского режима в действии. Социальный кризис, приведший к падению Юлу, также типичен для порождаемой неокOLONиализмом ситуации.

При изучении особенностей этого кризиса сразу же обнаруживается, что его социальная окраска не изменилась с колониальных времен. Громадная и растущая масса люмпен-пролетариата, в которой выделяется своим динамизмом молодежь, продолжает служить прямым резервом рабочего класса. В этой городской прослойке радость первых дней независимости быстро сменяется негодованием. События в Дагомее, Того, в Конго (Браззавиль) показали, сколь действенным может быть вмешательство безработных в политическую борьбу, если они получают руководство со стороны оппозиционных партий или профсоюзов.

Напряженным остается положение в деревнях. Сложное переплетение нарождающихся классовых противоречий с традиционными еще для африканской общины конфликтами электризует крестьянство. Ему могут быть далеки проблемы внешней политики, международных связей, но с беспомощностью аграрных программ неокOLONиалистских правительств оно примириться не хочет. Крестьяне, голодая на выборах или с оружием в руках восставая против колониализма, боролись отнюдь не за смену белых господ черными марионетками. И сегодня давление крестьянства на правящие в неокOLONиалистских странах партии снова возрастает.

Ярчайшим подтверждением политического банкротства «реалистов» не только в Конго (Браззавиль), где они в конце концов были свергнуты, но и в других странах бывшей французской империи является, конечно, резкое обострение противоречий внутри самих правящих группировок. В городе Тилабери на северо-западе Нигера открылся процесс: одного из бывших министров обвиняют в государственной измене. На Береге Слоновой Кости в 1963 году президент дал указание об аресте едва ли не половины правительства, многих депутатов и высших государственных чиновников. Бывший премьер-министр Сенегала Мамаду Диа по-прежнему находится в заключении. Все эти факты знаменательны.

Внутренние противоречия правящей группы пока что удается сгладить. Но взгляды, которых придерживались арестованные, продолжают пользоваться популярностью. Складывается впечатление, что даже внутри африканской реакции ширится убежденность в опасности существующего положения.

К слову сказать, это одна из причин повышенной дипломатической активности крайних правых на африканской арене. Конечно, многие факторы, и в частности давление США, побуждают страны, входящие, скажем, в Совет согласия, выступать с идеями образования «священного союза» правых в противовес Организации африканского единства и яростно нападать на правительство Ганы. Но все-таки главными, вероятно, остаются соображения внутриполитического порядка.

Прошедшие пять лет многому научили народы Африки. Сегодня как никогда раньше среди передовых людей континента сильна убежденность, что лишь социалистические идеалы, к которым стремятся народы Гвинеи, Мали и Конго (Браззавиль), открывают перед Африкой перспективу подлинного освобождения.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпускает в 1965 году три книги, посвященные вопросам демографии и этнографии. Автор книги «НАСЕЛЕНИЕ ИНДИИ» В. Петров не ограничивается проблемами общей численности населения, его плотности и размещения. Книга анализирует состав населения по национальному, религиозному и возрастному признаку. Используя предыдущие переписи, автор показывает, что если во время колониального режима с 1921 по 1951 год прирост населения в среднем составлял 13 процентов, то с 1951 по 1961 год (год последней переписи) оно увеличилось на 78,1 миллиона человек, то есть на 21,5 процента.

Книга В. Кочнева «НАСЕЛЕНИЕ ЦЕЙЛОНА» представляет собой довольно большой очерк, освещающий историю формирования этнического состава населения острова, его экономическое и политическое положение. Автор подробно описал отдельные этнические группы, основные верования буддизма и индуизма на Цейлоне, их значение и роль в жизни страны. Он рассказывает об общественных и семейных отношениях, о сельской общине и кастах, о характере поселения и жилищах, одежде и народном творчестве цейлонцев. Последние главы посвящены искусству и литературе.

Автор книги «НАРОДЫ ЭФИОПИИ» М. Райт совершила поездку в эту страну. Собранные ею этнографические материалы легли в основу настоящей работы. Райт рассматривает процесс создания единой национальной культуры Эфиопии, впитавшей элементы культур различных народов этой страны, описывает поселения, жилища, одежду, семейные отношения и обычаи.